

СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ БОГОСЛУЖЕБНЫЙ ТЕКСТ XVII в. КАК ЯВЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ЧАСОСЛОВА И ТРЕБНИКА)

Статья посвящена богослужебным текстам XVII в., принятым в Русской православной церкви до реформы Патриарха Никона. Эти же тексты впоследствии воспринимались противниками реформы, старообрядцами как единственно правильные и, следовательно, во многом отражают особенности их мировоззрения, восприятия религии. В статье рассматриваются основные черты религиозности старообрядцев в связи с особенностями старообрядческих богослужебных текстов.

С момента начала церковной реформы Патриарха Никона (1654 г.) возник раскол Русской православной церкви и общества в целом на сторонников и противников реформы. После оформления раскола на церковных соборах 1666–1667 гг. оппоненты Патриарха начали создавать самостоятельные религиозные общины. Впоследствии происходило все большее их обособление, создание старообрядцами собственного религиозного и культурного пространства. Быт, особенности культуры старообрядцев многие годы представляют большой интерес для историков, этнографов, культурологов. В последние годы в дискуссиях о старообрядчестве преобладает культурно-семиотический подход, предполагающий обращение к точке зрения участников событий для понимания их смысла и значения. Следует отметить тот факт, что значительную роль в старообрядческой духовной культуре играет богослужебный текст. В XVII в. именно он послужил отправной точкой раскола: текстовые различия дониконовской и никоновской редакций богослужебных книг вызвали острые разногласия сначала среди духовенства, затем и среди верующих. Это, в свою очередь, привело к возникновению такого феномена, как «старообрядческий богослужебный текст», хотя применительно к XVII в. речь можно вести не о «старообрядческом богослужебном тексте» как оригинальном богослужебном тексте, созданном старообрядцами (такого рода явления относятся уже к периоду самостоятельного существования старообрядчества в виде целого ряда толков, согласий), а об особенностях принятой до реформы Патриарха Никона редакции православных богослужебных текстов, которую поддерживала часть верующих, не принявших церковной реформы. И эти дореформенные богослужебные тексты представляют не меньший интерес, чем оригинальные старообрядческие тексты, так как позволяют понять фундаментальные основы мировоззрения, религиозных принципов старообрядчества как религиозного течения.

В этой связи правомерно обратить внимание на особенности православного богослужебного текста вообще. С точки зрения православных богословов для верующего основным средством богопознания является не анализ и размышление, а непосредственное общение с Богом, которое происходит при помощи молитвы. При этом православный верующий обычно предпочитает обращаться к Богу не собственными словами, а словами канонических молитв, составленных отцами Церкви. Именно через такое общение с текстом и происходит богопознание: Бог открывает истину по вере молящегося. Следовательно, в таком случае молитва как средство богопознания должна содержать всю сумму догматичес-

ких представлений, формировать у молящегося представление о нормах и принципах религиозной жизни (понимание роли Божественного и своего места по отношению к нему). Функции и значение молитвы достаточно обширны, она сама является символом иной реальности и иного мира и вообще всего, с ним связанного. Вот почему одной из основных особенностей православной обрядности, в состав которой входит и богослужебный текст, является символизм, предполагающий многозначность всякого совершаемого действия, равно как и каждого элемента церковного устройства: символический смысл имеют все составляющие церковного обряда – облачение священнослужителя, церковный престол, и даже сам священник в определенные моменты литургии символизирует Христа.

Многозначное понимание символа лежит в основе его восприятия, а это, в свою очередь, значит, что в рассматриваемом нами случае человек, погруженный в среду православного богослужения, всем его строем приучен воспринимать окружающие его символы неоднозначно и всегда, сознательно или нет, выстраивает ассоциативные ряды, видя в той или иной фразе, действии одновременно несколько смыслов. Вот почему значение богослужебного текста очень велико: именно он формирует у верующего представления, касающиеся как догматики христианства, так и общих понятий о религиозной жизни, т.е. отношения к молитве, храму, священству, семье и т.п.

Важным также представляется то, что понятия и представления даются в богослужебном тексте, как правило, не в виде четко определенных правил или «тезисов», а неявно – в виде определенного набора символов, понятий, примеров из Священного Писания. Отсюда и огромное значение каждого слова в богослужебном тексте, важность каждого смыслового оттенка и отсюда же – большая сложность, которую представляет «расшифровка» богослужебного текста, всех «пластов» его восприятия. Однако тем важнее результат такой работы – понимание особенностей мировоззрения, формируемых данным текстом. При этом не избежать и вопроса о причинах обособления старообрядчества от церкви, о причинах церковного раскола. Такого рода особенности старообрядческого богослужебного текста могут быть выявлены при сравнительном анализе дониконовской и никоновской редакций богослужебных книг. Источниковая база этой темы – богослужебные книги, изданные до и после церковной реформы 1654 г.

Выводы данной статьи основаны на анализе особенностей дониконовской редакции часослова и требника. Причина такого выбора – большая распространенность

и «популярность» именно этих книг в среде верующих. Часослов содержит весь суточный круг богослужения, кроме литургии, и, таким образом, является настольной книгой в каждой православной семье. Содержание требника – последования наиболее важных таинств (исповедь, крещение, венчание, елеосвящение и др.) и обрядов, также сопровождающих человека каждый день. Таким образом, именно эти богослужебные книги в большой степени формировали особенности религиозного мировоззрения верующих XVII в., а изменения, вносимые в них, могли иметь серьезнейший резонанс, что, однако, не умаляет важности рассмотрения и особенностей дониконовской и никоновской редакций других богослужебных книг. Следует также отметить, что в наиболее тесном контакте с богослужебным текстом находились священнослужители и, следовательно, речь может идти в основном об особенностях их мировоззрения, что также важно для определения причин церковного раскола, ведь инициаторами его были именно люди, облеченные духовным саном.

Значительная часть книг дониконовской редакции бережно сохранялась в старообрядческих общинах, в том числе на территории Сибири, впоследствии попадая в собрания сибирских музеев и библиотек. Так, в фондах Отдела редких книг хранятся экземпляры часословов и Псалтырей, изданные с 40-х гг. XVII в. до 1653 г. включительно: Часовники издания Московского печатного двора 1646 и 1649 гг., Псалтыри с воследованием, издание московской типографии Ф. Бурцова 1638 г., издания Московского печатного двора 1651 и 1653 гг. (археографическое описание сделано В.В. Лобановым [15]). В фондах Томского областного краеведческого музея находится ряд старопечатных богослужебных книг из старообрядческих библиотек А.Н. Нифантова и Ф.И. Тиунова. Это часовник издания Московского печатного двора 1640 г., псалтыри с воследованием (Московский печатный двор, 1640; 1642 гг.), требники (Московский печатный двор, 20.VII.1639; 26.IX.1651), Минеи служебные (Московский печатный двор, 1.IV.1636; 20.VI.1644; 8.IX.1645; 25.VII.1646) и др. (археографическое описание сделано О.Н. Бахтиной [16]).

В то же время количество сохранившихся экземпляров никоновских изданий существенно меньше, что связано с особенностями проведения реформы. Достаточно высокий темп «исправления» богослужебных книг приводил к значительному количеству неточностей в текстах, что зачастую влекло к изъятию и уничтожению тиража.

Одной из первых новоисправленных книг являлся часослов. Его новая редакция появилась уже в 1656 г. – через год после первого издания никоновского Служебника. При Никоне часослов издавался еще несколько раз, в том числе в составе Псалтырей с воследованием. К настоящему времени большинство экземпляров никоновских часословов утрачены, так что издания 1656, 1658, 1660, 1666 гг. сохранились в единственном экземпляре (археографическое описание сделано А.С. Зерновой) [14].

Сложной была ситуация с исправлением требника, одной из наиболее объемных богослужебных книг. В период активного участия Патриарха Никона в реформе требник был издан единожды – в 1658 г. После ухода Никона от дел издание требника было предпринято еще

раз, в 1662 г. Несмотря на меньшую, в сравнении с дореформенными требниками, распространенность (процесс изменения текста продолжался и после ухода Патриарха Никона, и, таким образом, «неисправные» экземпляры изымались из употребления), издания 1658 и 1662 гг. сохранились в фондах Российской государственной библиотеки, Государственного исторического музея, Государственной публичной исторической библиотеки, Библиотеки Академии наук [14].

При рассмотрении дониконовских изданий часослова и требника можно выявить ряд характерных особенностей по сравнению с никоновской редакцией.

Ряд особенностей касается грамматического строя текста. Одной из важнейших таких особенностей является преобладание в дониконовской редакции архаичных грамматических форм – аористные формы глаголов, краткие формы прилагательных и местоимений [1. Л. 3, 17, 21, 56; 2. Л. 5, 18, 32, 67, 198; 3. Л. 43, 87, 89, 186, 192; 4. Л. 76, 98, 134, 157; 5. Л. 98, 134, 234, 236; 7. Л. 13, 15, 18; 8. Л. 45, 78, 93, 96 и др.].

Смысловое значение обеих форм не было идентичным. «Аорист выражает простое действие, предшествовавшее моменту повествования, без какой-либо характеристики действия, т.е. без обозначения длительности или недлительности или временной отдаленности действия».

«Перфект выражает ретроспективную направленность говорящего, то есть воззрение назад... поставляет процесс, им обозначаемый вне основного контекста, составляющего действие рассказа и отражающего живое участие говорящего. Таким образом, говорящий пользуется перфектом для выражения тех или иных действий и фактов, которые в его сознании имеют объективное значение... значение объективности в перфекте можно было бы перефразировать словами «это неоспоримый факт» или «как всем это хорошо известно» – так трактуются смысловые значения времен аориста и перфекта А. Гамановичем [18. С. 200].

К этим характеристикам Т.А. Иванова добавляет, что аорист «обозначал прошедшее действие, как конкретный факт, совершившийся до момента речи и служивший продвижением в повествовании», отвечая на вопросы «что стало?», «что случилось?», «что произошло?», в то время как перфект обозначал только состояние в настоящем как результат прошлого действия [19. С. 142–148]. Б.А. Успенский определяет перфект как обозначающий «состояние, отмеченное в своем конце, то есть то, что случилось, но более уже не имеет места» [20. С. 18].

Аористные формы глаголов, употреблявшиеся при рассказе о недавно происшедших событиях, вышли из разговорного употребления еще в XII в., однако сохранялись в богослужебном тексте, в особенности там, где речь шла о евангельских событиях (напр., Пасхальный тропарь, начинающийся со слов «Христос воскрес» – аористная форма, сохранившаяся до наших дней) и, как представляется, оставались актуальными для части верующих, в особенности – священнослужителей, по роду деятельности постоянно соприкасавшихся с богослужебным текстом и воспринимавших архаичные, с точки зрения разговорного языка, формы достаточно остро. Необходимо отметить, что употребление, наряду с аорист-

ными формами глаголов, кратких форм прилагательных (обычно применяемых при упоминании впервые названного предмета или явления [18. С. 213]) создавало общее ощущение близости евангельских событий, а значит, влияло и на общий настрой текста.

Другой особенностью старообрядческих богослужебных текстов является их больший, по сравнению с позднейшей никоновской редакцией, объем: это касается как объема отдельных молитв, так и целых чинов. И если в часослове объем отдельных служб практически одинаков как в дореформенной, так и в никоновской редакциях и различия в тексте в основном касаются отдельных слов, присутствующих в дореформенной редакции и отсутствующих в новой [7. Л. 19, 29, 48, 56; 8. Л. 34, 62, 64, 67; 9. Л. 128, 223, 229; 10. С. 162, 234, 279 и др.; 11. С. 224, 234, 354; 12. Л. 169 об., 213, 215 и др.], то в отношении требника различия в объеме значительно более серьезные.

Очень характерен здесь чин исповеди, в общей сложности превышающий объем исповеди в никоновском требнике в 3 раза. Так, в требнике дониконовской редакции перед исповедью священником читается 5 псалмов, тогда как в никоновском требнике — лишь 1. Существенно больше и перечень вопросов к исповеднику, в частности очень подробны вопросы священника к кающемуся по каждому из членов Символа веры — основы христианского вероучения. В никоновском требнике от кающегося просто требуется прочесть Символ веры. Исповедь в дониконовской редакции содержит также и вопросы о почитании креста, икон, мощей святых, отсутствующие в новом требнике. Кроме этого, существенно больше, чем в требнике никоновской редакции, и объем речи священника, обращенной к кающемуся. Большим является объем богослужебных текстов дониконовской редакции и в чинах основания церкви, таинства венчания (сравн. [1. Л. 2–15, 124–130; 2. Л. 1–6, 151–163; 4. С. 262–264, 98–105; 5. С. 256–258, 123–134; 6. С. 267–270, 324–337]).

Большой объем дониконовской редакции богослужебных текстов объясним еще и тем, что в дореформенных богослужебных книгах существенно больше внимания уделяется детальному описанию действий священника (или диакона) по совершению обрядов и таинств. Особенно показателен в этом отношении требник. В чине исповеди, например, дониконовская редакция требника более подробно, чем послереформенная, говорит о том, как кающийся подходит к священнику, где должен стоять, как кланяться. В чине крещения, описывая действия священника при благословении воды, дониконовский требник указывает, что «иерей приемлет спичку из сосуда масленого с маслом и тою погружая в воде крестообразно трижь, поя с сущими ту: “Аллилуйя”». Никоновская же редакция требника ограничивается замечанием о том, что «священник, поя аллилуйя трижды с людьми, творит кресты три елеем на воде» (сравн. [1. Л. 89–89об.; 2. 97об.; 4. Л. 100; 5. Л. 89; 6. Л. 96]).

По-иному выглядит и описание самого акта крещения. Дореформенный требник: «Крещает его (младенца. — *Н.С.*) священник, погружая к себе лицом во Имя Отца и Сына и Святаго Духа...». Никоновская редакция: «Крещает его во Имя Отца и Сына и Святаго Духа, на коемждо приглашении низводя его и возводя», таким

образом, реформаторами удалено упоминание о полном погружении в воду крещаемого во время таинства [1. Л. 24об.; 2. Л. 35; 3. Л. 45; 4. С. 35; 5. С. 44]. В этом случае реформаторы невольно спровоцировали обвинения в свой адрес по поводу якобы имевшего место введения в практику обливального крещения, аналогичного католическому. Стоит отметить, что традиционное понимание слов «низводити» и «возводити» включало в себя не только собственно акт погружения при крещении, но и ряд нецерковных значений, среди которых такие, как «поднимать», «опускать» [17. Вып. 3. С. 37; Вып. 15. С. 45]. Это могло восприниматься как предписание священнику совершать погружение «символически», «низводя и возводя».

Сократив подобным же образом описание облачения крестившегося до слов «облачает его священник» (в то время как дониконовская редакция описывает облачение подробно, с соответствующими молитвами на одение сорочки, на возложение креста и т.д.) [1. Л. 64об.; 2. Л. 55; 3. Л. 65; 4. С. 64; 5. С. 64; 6. С. 75], реформаторы вызвали новые обвинения со стороны оппонентов: якобы «никониане» запретили носить нателный крест, несмотря на то, что запрет на ношение креста никогда не вводился в церковную практику. Приходится признать, что подобные изменения во многом создали негативный образ реформы и успешно использовались в полемике оппонентами Патриарха: детальная регламентация действий священнослужителя не просто была более привычной для верующих, но показывала трепетность отношения к «великому и страшному» для человека таинству. В связи со сказанным представляется отнюдь не случайной иная, нежели в никоновской редакции, позиция священника, которую демонстрирует дореформенный требник в таинстве исповеди: священнику прямо рекомендуется с кающимся «говорить с тихостью и смирением, Бога свидетелем поставляя, себя же грешна именую» [1. Л. 42; 2. Л. 48], то есть подчеркивается роль священника как свидетеля исповеди, а не судьи.

Таким образом, особенностью старообрядческого богослужебного текста является формирование им обостренного восприятия религии: ощущения близости реальности евангельских событий, вследствие этого — достаточно высоких требований к верующему. Это касается как продолжительности богослужения и таинств, так и общего настроения молитв. В.Н. Лосский определяет старообрядческое восприятие религии как «экклезиологическое монофизитство» [21. С. 217–218], т.е. акцент на Божественную составляющую церкви в ущерб человеческой.

Такой акцент на Божественную составляющую религии, на греховность человека, по-видимому, во многом и обуславливал резкую реакцию верующих как на сам факт исправления сакрального текста, так и на характер вносимых изменений, например сокращения богослужения. Эта особенность восприятия религии частью верующих могла стать одной из причин конфликта, а в дальнейшем обусловить многие особенности мировоззрения старообрядцев. Вопрос о дальнейшей судьбе богослужебного текста в старообрядческих общинах, о создании старообрядцами самостоятельных богослужебных текстов и эволюции их мировоззрения — предмет дальнейшего изучения исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Требник*. М.: Печатный двор. 8.V.1625. 524 л. Томский областной краеведческий музей (далее ТОКМ). 7904/16.
2. *Требник*. М.: Печатный двор, 26.IX.1651. 613 л. ТОКМ. № 7904/57.
3. *Требник*. М.: Печатный двор, 1639. 820 л. ТОКМ. № 7904/116.
4. *Требник*. М.: Печатный двор, 10.XII.1658. 515 л. № 18069 в Российской государственной библиотеке (далее РГБ).
5. *Требник*. М.: Печатный двор, 10.XII.1658. 515 л. № 856.2 в Нижегородской областной библиотеке.
6. *Требник*. М.: Печатный двор, 24.II.1662. 369 л. № 18156 в Российской государственной Библиотеке (далее РГБ).
7. *Часовник*. М.: Печатный двор, 21.V.1640. 526 л. ТОКМ. № 7904/33.
8. *Псалтырь с воследованием*. М.: Печатный двор, 18.VIII.1640. 710 л. ТОКМ. № 7904/38.
9. *Псалтырь с воследованием*. М.: Печатный двор, 12.V.1642. 779 л. ТОКМ. № 7904/56.
10. *Часослов*. М., 26.II.1656. Государственный исторический музей. 374 л. № 14904.
11. *Часослов*. М.: Печатный двор. 15.IV.1666. 415 л. РГБ. № 1356/89 (микрофильм).
12. *Псалтырь с воследованием*. М.: Печатный двор, 1658. 568 л. РГБ. № 8095.
13. *Псалтырь с воследованием*. М.: Печатный двор, 1660. 575 л. РГБ. № 8984.
14. *Зернова А.С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVIII вв. М., 1958.
15. *Лобанов В.В.* Славянские книги кирилловской печати XVI–XVIII вв. Томск, 1976.
16. *Бахтина О.Н.* Старопечатные книги Томского историко-архитектурного музея: Каталог. Новосибирск, 1996.
17. *Словарь русского языка XI–XVII века*. М., 1975–1996. Вып. 1–23.
18. *Алипий (Гаманович)*. Грамматика церковно-славянского языка. М., 1991.
19. *Иванова Т.А.* Старославянский язык. М., 1997.
20. *Успенский Б.А.* Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси // Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1994. Т. 2. С. 7–25.
21. *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной церкви // Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 96–369.

Статья представлена кафедрой отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «История» 9 декабря 2003 г.